

ПРЕАМБУЛА

Как можно описывать то, что существует по большей части в области воображаемого, что неизменно противостоит попыткам вывести чёткое определение, что заведомо бесполезно и, по мнению многих, является псевдофилософией, подделкой, шуткой или розыгрышем школяров? Такое намерение чревато опасностями. Есть риск слишком узкого понимания: патафизика богата и сложна, поэтому всё, что напоминает упрощённое «определение», не сможет объяснить это явление достоверно. И напротив, есть проблема слишком серьёзного восприятия этого явления. Каждый знает, что разъяснённая шутка перестаёт быть шуткой. Поскольку патафизика не признаёт разницы между юмором и серьёзностью, всегда есть вероятность того, что каждая формулировка в этой области сама себе роет яму. Неизменно присутствует опасность допустить фактическую ошибку в истории, изобилующей мифотворчеством, противоречиями, преднамеренными мистификациями, а иногда и открытой ложью. И что хуже всего, присутствует страх получить неодобрение со стороны мирового сообщества патафизиков¹, чья глубокая эрудированность и независимость суждений делают их в высшей степени нетерпимыми к любым нападкам по отношению к объекту их привязанности, даже если это исходит из их же рядов. Перед лицом всех этих опасений читатель вправе задаться вопросом, как вообще эта книга могла увидеть свет.

Из всего культурного экспорта Франции за последние 150 или около того лет патафизика на удивление оказалась одним из самых долговечных явлений, и по сей день привлекающих всё возрастающее внимание. Само слово было изобретено школьниками из Ренна в 1880-х годах и чаще всего ассоциируется с одним из них — поэтом и драматургом Альфредом Жарри (1873–1907). Принято считать, что патафизика находится где-то у истоков ключевых явлений искусства и культуры XX века, включая абсурдизм, дада, футуризм, сюрреализм, ситуационизм и другие. Тот факт, что относительно немногие знают о её существовании, отчасти раскрывает секрет её успеха. В отличие от других, более известных *-измов*, подробно задокументированных и описанных, патафизика сумела сохранить свою жизнеспособность, беспрепятственно избегая самого феномена *-измов*. Она никогда полностью не становилась ни «движением», ни «философией», хотя порой демонстрирует характерные черты того и другого. Она сумела просочиться и в культуру, и в общество, хоть и несколько странным образом. Как пьяный бред французского поэта XIX века смог до такой степени проникнуть в коллективное сознание? Хочется надеяться, что эта книга поможет лучшему пониманию этого феномена.

Присутствие патафизики в мире частично осознаётся и признаётся, частично не осознаётся, но признаётся, а чаще всего не осознаётся и не признаётся. Безусловно, она обеспечила себе место в истории литературы. Она также оказала заметное влияние на театр, музыку, живопись, скульптуру и так далее. Её влияние на политику, экономику, философию, критическую теорию и на общественные науки в целом не столь заметно, но тем не менее его можно отследить. Её присутствие в естественных науках ещё менее очевидно, но и там, даже неглубоко копнув, мы вполне можем его обнаружить. И учёные, и патафизики слишком много потеряли бы в собственных глазах, признав, как много сходств и связей есть между ними, однако предмет нашего рассмо-

трения неожиданно проявляется то в квантовой физике, то в информатике, да и в научных исследованиях в целом.

За всем этим лежит пласт патафизических идей, пробиравшихся в общую культуру. Оценить его масштаб сложно, поскольку в каждой нации, в каждом поколении и даже у каждого индивида он интерпретируется по-разному. Так, американская патафизика отличается от канадской, которая, в свою очередь, делится на англо- и франкоязычную, а эта последняя отличается от патафизики Франции и так далее. Патафизика трансформируется и при смене поколений: даже сам Жарри на протяжении своей жизни описывал её по крайней мере в двух версиях, по мере того, как это понятие созревало. Эти различия могут быть трудноуловимыми, но часто имеют кардинальное значение.

Важно понимать, что отличает патафизику от других «радикальных», «анархических» или «экстравагантных» порывов. Это слово часто используется слишком вольно, чтобы охарактеризовать *всё*, что кажется странным, эксцентричным или гротескно непостижимым. Однако это представление неверно, и в своей книге автор надеется его исправить. Патафизика представляет собой пусть сложный и многоставный, но бесспорно цельный комплекс идей и действий, со своей историей и определёнными зафиксированными принципами. И хотя противоречивое и исключительное вплетены в его структуру, там нет места небрежному, смутному и «новомодному». Патафизика не придаёт значения тому, что называется «гримасами на лице столетия», преходящим увлечениям и трендам интеллектуальной жизни, в этом отношении она непреклонна. Возможно, патафизика никогда не будет понята и, может быть, поэтому её так часто понимают неправильно. Таковы были научные основания для написания этой книги: способствовать познанию и бороться с невежеством.

Что касается лично меня, я связан с патафизикой и занимаюсь её изучением уже более 25 лет. Большую часть этого

времени я являюсь членом Коллежа 'патафизики, в котором в настоящее время состою в степени Призванного Командора Ордена Большого Брюха (Commandeur Requis of the Ordre de la Grande Gidouille). Как композитора меня часто называют автором «патафизической музыки». Патафизика постоянно присутствует в моей работе университетского учёного и в исследованиях, и в преподавательской деятельности. Я пишу статьи, выступаю с докладами, публикую переводы, читаю лекции, руковожу работой семинаров и сценических постановок, привлекаю к дискуссиям о патафизике студентов, аспирантов, коллег и исследователей по всему миру. В то же время я не прерываю связь с патафизикой и за пределами аудиторий, посещая собрания, участвуя в групповых обсуждениях, переписываясь с людьми и внося свой вклад в публикации. В то время как у некоторых возникают большие сложности при взаимодействии между академическими и неакадемическими кругами, я пришёл к выводу, что могу перемещаться между ними свободно. Возможно, это потому, что я музыкант, а музыка позволяет успешно преодолевать барьеры.

В любом случае, я решил написать эту книгу по причине настоятельных просьб от самых разных людей. Некоторые влиятельные фигуры, такие как покойный Стенли Чапман, в течение многих лет поддерживали меня на этом пути. Несмотря на их убеждённость во мне, я был и до сих пор остаюсь человеком достаточно неуверенным. В период оккультации Коллежа 'патафизики, который начался до того, как я стал его членом, и продолжался до 2000 года, я вообще старался избегать дискуссий о патафизике, и с этой привычкой мне до сих пор трудно расстаться. Не сомневаюсь, что, по мнению некоторых, было бы лучше, если бы я и дальше хранил молчание. Но так или иначе, я учёный, и я не могу оставить нереализованным проект, над которым работал большую часть своей взрослой жизни. Проект, частичным, но необходимым следствием которого является эта книга.

Каждый день я нахожу в своём почтовом ящике многочисленные просьбы помочь с информацией и ответить на вопросы о патафизике. Люди постоянно втягивают меня в обсуждение этого предмета. Однажды — случай довольно обескураживающий — явно нетрезвый молодой незнакомец, возникший субботним вечером из толпы в центре городка, пошатываясь, подошёл ко мне и настоятельно потребовал, чтобы я рассказал ему «всё о патафизике». В 2009 году профессор Джим Хендлер, один из ведущих специалистов по информационным технологиям, прародитель семантической сети и, помимо прочих достижений, член Научного консультативного комитета ВВС США и ведущий специалист отдела информационных систем Агентства по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США (DARPA), спросил меня, не могу ли я предоставить ему подборку ключевых текстов и заметок о патафизике. Вскоре после этого я получил предложение от издательства Масачусетского технологического института, ставшее окончательным стимулом для написания этой книги. Признаюсь, я не смог противиться всем этим просьбам.

Руй Лонуар заметил, что «к патафизике нет ключа... Утверждение, что можно объяснить (то есть *редуцировать*) патафизику с помощью методов, не являющихся патафизическими, само уже является в немалой степени патафизическим» (Lainoig 2005, 7)². Поэтому цель моей книги куда скромнее: *обозначить отличительные черты патафизики* и при этом предложить несколько критических догадок. Она предназначена для читателя, не знакомого с патафизикой, хотя, безусловно, в ней содержатся материалы, интересные самим патафизикам. В своей книге я пытаюсь уделить внимание различным темам — философским, литературным, художественным, историческим, сюжетам из жизни или аналитике. Однако это делается с полным осознанием того, что обрисовывается только контур, не более чем отпечаток, оставленный идеей патафизики в нашей культуре к сегодняшнему

дню. Это всего лишь пелёнки, укрывающие невидимое тело самой патафизики. Прочитав эту книгу, вы не поймёте патафизику. Вы будете немного лучше знать масштаб и пределы её влияния, а также глубину и богатство её озарений. Возможно, вы также поймёте, почему та самая «насушенная потребность» в патафизике, впервые отмеченная ещё Жарри, продолжает ощущаться и по сей день.

С учётом этих замечаний можно было бы прийти к выводу, что патафизика — дело нешуточное. Она, безусловно, серьёзна, но в её серьёзности и заключается её юмор. Как сказал Жак Превер, отвечая на вопросы журнальной анкеты о юморе и упреждая (не без оснований) вероятную серьёзность ответов других респондентов: «Уж слишком давно к юмору подходят чересчур легко, мы же сейчас намерены взяться за него со всей тяжеловесностью. Ну же, господа...» (Prévert 1951).

Ирония здесь в патафизическом смысле обоюдоострая, поскольку сама суть патафизики — это глубоко серьёзный юмор. Этот юмор характеризовали по-разному: как сюрреалистический, абсурдный, анархический и так далее, но отнести его к одному-единственному типу невозможно. Как и во всём прочем в патафизике, тут полно противоречий.

Итак, с чего же начать? Берёт ли своё начало патафизическая спираль с середины или с края? Давайте сначала рассмотрим сам термин...